

изучившая много примитивных племен, знакомых с собаками и незнакомых с лошадьми, знает ездовых собак только в Арктике, применение их в условиях умеренного климата затруднительно, а собачья сбруя археологам неизвестна. Предшественниками лошадей у Марра являются также олени. Эта гипотеза не столь оригинальна, Марр здесь следовал за Сирелиусом и Таном-Богоразом, но они говорили лишь о странах холодного климата, да и то неубедительно, а Марр чрезмерно обобщил их предположения» (стр. 52—53).

Таким образом, Б. В. Пиотровский, признавая правильной марровскую схему развития средств передвижения, идет вразрез с данными археологии и этнографии и повторяет домыслы Н. Я. Марра в сборнике, посвященном критике вульгаризаторских концепций Н. Я. Марра, попутно приписывая археологии то, чего она никогда не устанавливала!

Как видно из вышеизложенного, сборник статей «Против вульгаризации марксизма в археологии» имеет существенные недостатки, которые значительно снижают его научную ценность.

Ф. П. Филин

А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. Перевод с французского В. В. Бородич. Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 447 стр.

Среди оригинальных трудов по старославянскому языкознанию, вышедших на русском языке за последние три-четыре года, — мы имеем в виду труды крупнейших славистов нашего времени, ныне уже покойных: советского ученого А. М. Селищева и французского языковеда А. Мейе¹ — работа известного французского слависта А. Вайана занимает особое место. В то время как основным содержанием трудов А. М. Селищева и А. Мейе является сравнительно-историческое изучение фонетики и грамматического строя старославянского языка — изучение, в ходе которого старославянские языковые факты рассматриваются не только по отношению к общеславянскому языку-основе, но и по отношению к языку общиндоевропейскому, труд А. Вайана посвящен собственно старославянскому языку, поскольку о нем можно судить по данным дошедших до нас памятников этого языка.

Сам автор характеризует свой труд как «чисто описательную грамматику», в которой он отказывается от сравнения старославянского языка не только с другими индоевропейскими языками, но даже и со славянскими. Автор использует только внутриязыковые сравнения. «Исторические объяснения посредством праславянского языка... заменены здесь... наблюдениями над чередованиями и вариантами форм, существующими в языке» (стр. 13)². Однако было бы ошибочным заключить из сказанного, что А. Вайан вовсе отказывается от исторического освещения фактов старославянского языка. «Старославянский язык IX—XI вв., — пишет он далее, — эволюционирует к языку среднеславянскому, к состоянию, значительно отличающемуся от предыдущего. Поэтому в этой грамматике много элементов истории и сравнений». Таким образом, чисто описательный характер грамматики А. Вайана своеобразен. Она является не описательной грамматикой старославянского языка в обычном значении этих слов, а, в сущности, исторической грамматикой, однако такой, которая охватывает период продолжительностью всего около трех столетий и составлена исключительно на основании данных памятников старославянской письменности.

Указанными особенностями книги А. Вайана и определяется положение и значение этого труда среди названных выше и других трудов по старославянскому языкознанию. Избранное А. Вайаном направление в построении «Руководства по старославянскому языку» не только вполне правомерно в научном отношении, но на том уровне науки о старославянском языке, которого она в наши дни достигла, это направление является и очень актуальным. Создание исчерпывающей описательной грамматики старославянского языка является одной из важнейших и первоочередных задач науки о старославянском языке.

В книге А. Вайана, кроме «Введения» (стр. 15—25), содержатся следующие четыре части: I. «Фонетика» (стр. 27—102), II. «Именные формы» (стр. 103—245), III. «Глагольные формы» (стр. 246—388), IV. «Фраза» (стр. 389—413). В разделах по

¹ А. М. С е л и щ е в, *Старославянский язык*, М., Учпедгиз: ч. I—1951; ч. II—1952; А. М е й е, *Общеславянский язык*, перевод с второго франц. изд., просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.

² Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даем ссылки на страницы книги А. Вайана.

морфологии автор уделит внимание и словообразованию. Последнему посвящены: глава XI «Образование имен» (стр. 227—238) и глава XV «Глагольное словообразование и вид» (стр. 350—376). Таким образом, в отношении программы «Руководство» не оставляет желать ничего лучшего.

Полнота и научная основательность освещения различных сторон старославянского языка в книге неодинаковы. С наибольшей полнотой и обстоятельностью изложена морфология, занимающая две самые большие части книги (почти 300 страниц из 446). В разделе, посвященном именным формам, читатель найдет не только характеристику соответствующих грамматических категорий, полные образцы различных склонений, но много ценных и интересных сведений о вариантах отдельных форм, об их истории и употреблении. С не меньшей, если не большей тщательностью и обстоятельностью рассмотрены в книге глагольные формы. В этой части «Руководства» читатель найдет богатый материал, относящийся к описанию личных, именных и сложных форм глагола, подробную классификацию глаголов, а кроме того, главы, посвященные виду (в связи с словообразованием) и употреблению глаголов.

Интересные и ценные сведения содержатся и в главе «Фонетика». В частности, с большим интересом читаются разделы о фонетике заимствованных слов. В целом, однако, эта часть удалась автору меньше, чем части по морфологии. Освещение некоторых вопросов фонетики не только спорно, но, на наш взгляд, и неприемлемо (см. об этом ниже). С меньшей полнотой, чем фонетика и морфология, освещен в книге старославянский синтаксис, о чем отчасти предупреждает читателя и сам автор, называя этот раздел книги — «Фраза». Впрочем нельзя не согласиться с В. Н. Сидоровым (автором «Предисловия»), во-первых, в том, что синтаксическими являются в сущности и главы X «Употребление именных форм» (стр. 195—227) и XVI «Употребление глагольных форм» (стр. 376—388), включенные в морфологию, а во-вторых, также в том, что синтаксис старославянского языка остается мало изученным.

«Руководство по старославянскому языку» представляет собой труд, оригинальный по материалу и по освещению отдельных вопросов старославянского языка. В отдельных своих частях «Руководство» является результатом исследований, принадлежащих самому автору (см. об этом в предисловии редактора). Специалисты по старославянскому языку прочтут эту книгу с интересом, а преподавателям старославянского языка наших вузов она принесет большую пользу.

Тем не менее далеко не со всем, о чем в «Руководстве» говорится в утвердительной форме, можно согласиться. Указанные выше, как и многие другие, достоинства этого труда отнюдь не освобождают читателя от необходимости критического отношения к нему. В краткой рецензии нет ни возможности, ни необходимости входить в подробный разбор книги А. Вайана, однако на освещении некоторых как общих, так и частных вопросов следует остановиться.

В начале «Введения» дается определение старославянского языка: «Термин «старославянский язык», — читаем мы здесь, — имеет двойкий смысл: во-первых, он обозначает древнейший славянский язык IX—X вв. в отличие от среднеславянского (среднеболгарского, древнечешского и др.) и новых славянских языков; во-вторых, он обычно (? — В. Ч.) обозначает древний болгаро-македонский язык, потому что именно этот язык является единственным известным с древнеславянского периода» (стр. 15). Эти определения, взятые и по отдельности и вместе, не создают у читателя ясного представления о предмете, руководство по изучению которого он взял в свои руки. Определение старославянского языка как «древнейшего славянского языка IX—X вв.» — двусмысленно. Оно может быть понято, во-первых, в том смысле, что старославянский язык является древнейшим среди славянских языков IX—X вв., а во-вторых, в том смысле, что старославянский язык является самым древним славянским языком и относится к IX—X вв. Согласно последнему пониманию выходит, что других славянских языков в IX—X вв. не существовало. Рассматриваемое определение не может быть принято не только потому, что оно двусмысленно, но и по существу. Подобно тому как не существовало никакого «среднеславянского» языка, а существовали языки среднеболгарский и др., так не существовало и «древнейшего славянского языка IX—X вв.», а существовали в указанное время языки древнеболгарский, древнерусский и др. Старославянский язык является древнейшим *литературным* языком славян. Именно об этом и следовало сказать прежде всего при его определении.

Двусмысленно само по себе и второе определение старославянского языка как «древнего болгаро-македонского». Оно может быть истолковано, во-первых, как определение, указывающее на славянский народ, живым языком которого был язык старославянский. А, во-вторых, в том смысле, что это был язык, который употреблялся в качестве письменного языка в Македонии и в Болгарии. Первое из этих пониманий не может быть принято потому, что в основе старославянского языка, как известно, лежит язык македонских славян IX в. Впрочем автор такого понимания термина «древний болгаро-македонский» язык и не придерживается. В параграфе 4 «Диалекты старославянского языка» А. Вайан пишет: «Создатели письменного языка Кирилл и Мефодий происходили из западной Македонии (г. Салоники); там же (в районе Охрида) действовала и школа Климента; таким образом, можно сказать, что старославянский

язык — это прежде всего язык древнемакедонский. Однако поскольку столицей "болгарского государства Симеона и Петра был Преславль, в Восточной Болгарии, то старославянский язык, естественно, получил здесь несколько иную форму и стал древнеболгарским литературным языком. Позднее, когда центр болгарского государства переместился в Охрид, древнемакедонский язык одержал верх» (стр. 17—18).

Из приведенной цитаты следует, что А. Вайан называет старославянский язык «болгаро-македонским» потому, что одно время язык этот употреблялся в качестве письменного в Македонии, а затем — в Восточной Болгарии. И такое определение старославянского языка не может быть принято: в таком случае старославянский язык времени деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии пришлось бы определить как язык моравский, а старославянский язык памятников древнерусской редакции — как язык древнерусский!

Определение старославянского языка, принятое в советской науке, согласно которому этот язык является первым (древнейшим) литературным языком славян, т. е. тем славянским языком, на который во второй половине IX в. были сделаны переводы с греческого, — ясное очерчивает сущность предмета, а вместе с тем и точно определяет основное направление, в котором должно идти изучение этой дисциплины.

Непоследовательно и нечетко рассматриваются в «Руководстве» факты старославянского языка в историческом отношении. Выше уже было сказано, что автор отказывается в своем труде от исторических объяснений «посредством праславянского». Однако удалось ли ему избежать таких объяснений? Думается, что не всегда. Например, описывая систему гласных в старославянском, автор различает в ней четыре группы звуков (см. стр. 33): сверхкраткие (ъ, ѣ), краткие (о, е, ѡ, ѣ, ѡ), долгие (а, ѡ, ѡ; ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ) и носовые (ж, ѡ, ѡ). Спрашивается: на основании показаний каких памятников устанавливается эта классификация? Известно, что памятники не содержат прямых указаний на краткость или долготу старославянских гласных. На основании косвенных показаний памятников может быть установлено, что гласные ѡ и ѡ были гласными более короткими, чем гласные полного образования, но что можно сказать с уверенностью о количественных различиях, существовавших между этими последними? Принимаемая автором классификация гласных может быть обоснована лишь при помощи данных сравнительно-исторического изучения славянских и других индоевропейских языков, и при этом только для эпохи общеславянской («праславянской»), которая, конечно, не совпадала со старославянской эпохой в понимании автора. Таким образом, избежать исторических объяснений «посредством праславянского» автору не удалось.

Непоследовательно проводится в книге и принимаемое автором различие эпох собственно старославянского языка и позднего старославянского (см. стр. 32—33) — различие, без которого действительно трудно разобраться в фактах старославянского языка. Если при рассмотрении одних явлений, например структуры слова (см. стр. 33), автор исходит из собственно старославянского языка, а затем говорит о позднем старославянском, то при рассмотрении других явлений ранние и поздние факты не разграничиваются. Например, в парадигме склонения существительных, имеющих в именительном падеже -ъ, а в родительном -ѡ (стр. 109), приводятся, с одной стороны, формы, относящиеся к тому периоду, когда редуцированные еще произносились: сънъѡ, сънъѡ, а с другой стороны, приводятся формы: сънѡкъ, сънѡкъ, сънѡкъ, которые могут относиться и к периоду «позднего старославянского языка». Форма е(ѡ)нѡкъ приводится автором, во всяком случае, только из Синайской псалтэри, где, как известно, отражена замена сильных ѡ и ѡ гласными полного образования о и е; формы с -ѡкъ, -ѡкъ здесь не приводятся вовсе. Сам же автор об окончании -ѡкъ, например в таких случаях, как еѡтъѡкъ, мурѡкъ, пишет, что «по своему происхождению это окончание свойственно типу склонения на -ъ с род. п. на -ѡ (§ 58)» (стр. 109), между тем окончание это в параграфе, на который ссылается автор, не рассматривается, если не считать ссылки на то, что оно встречалось в русском церковнославянском языке и со временем «перестало... быть особенностью склонения типа сънѡкъ» (стр. 111).

В парадигме кѡтъ и ѡтъ (стр. 120) твор. падеж. ед. числа муж. рода приводится в виде: ѡтъѡ (ѡтъѡ); местн. падеж. мн. числа — в виде кѡтъѡ (-ѡтъѡ), ѡтъѡ (-ѡтъѡ); дат. падеж. мн. числа в виде кѡтъѡ (-ѡтъѡ), ѡтъѡ (-ѡтъѡ). И здесь в качестве основных показаны формы более позднего происхождения, а в скобках — более древние. Сам же автор в комментарии к этому склонению пишет, что древнеболгарский язык «сохранил довольно хорошо окончания, свойственные склонению на ѡ, тогда как в древнемакедонском они были заменены окончаниями -ѡкъ и т. д. склонения типа ѡкъѡ» (стр. 121). Как бы ни решался вопрос о происхождении окончаний -ѡкъ, -ѡкъ, в парадигме следовало поставить на первом месте формы более древние, хотя бы в скобках (при отсутствии в памятниках тех или иных форм для данного слова), соответствующим образом разъяснив значение этих скобок.

Критического отношения заслуживает и освещение в «Руководстве» специальных вопросов. Неубедительно, хотя и по-новому, излагается здесь, например, во-

прос о гласных и и ъ. В таблице старославянских гласных (стр. 33) различаются два вида и и ъ: долгие (автор обозначает их буквами ѡ и ѣ) и краткие (автор обозначает их буквами ѣ и ѡ). Краткие ѣ и ѡ помещены в таблице рядом с ѡ и ѣ, следовательно, по мнению автора, это гласные полного образования. В комментарии к таблице о кратких ѣ и ѡ говорится следующее: «старославянский язык обладал... и и ѡ, которые отличались от долгих и и ѡ тем, что могли сокращаться в к и ѡ и, следовательно (? — В. Ч.), были краткими; ср. ѡ и после предлога въ ѡже; ѡдина и ѡдина, три и три, книж и книж, ногын и ногын и др.» (стр. 35). Согласиться с тем, что в приведенных в цитате примерах буквами и и ѡ обозначены гласные в количественном отношении одинаковые, а именно «краткие», не представляется возможным. Дело в том, что на стр. 42 автор сам указывает на произношение к в начале слога как *jь-* или «как *ju* (краткое)». Следовательно, буква и в *иѡ* обозначает сочетание звуков, а не простой гласный. Ведь «сокращение» в форме *кѡ* ѡже обусловлено определенными фонетическими условиями. Иное звуковое значение имеет буква и в слове *ѡдина*, где она находится между согласными и, конечно, не обозначает сочетания *jь*. Отличное значение от обоих рассмотренных случаев имеют буква и, а также буква ѡ в словах *книж*, *ногын* и т. п. Здесь эти буквы находятся в середине слова после букв, обозначающих согласные, и перед йотированными буквами или и. Звуковое значение их прекрасно определено самим автором в § 25, где говорится, что «краткие и и ѡ» являются по существу «видоизменением к и ѡ в соседстве с *jь*» (стр. 51). Соседство с *jь* не изменяло этих гласных в количественном отношении, не превращало их из редуцированных в гласные полного образования, а изменяло лишь качественную окраску этих гласных. Они произносились как редуцированные и и ѡ. Следовательно, в таблице их следовало бы поместить не рядом с гласными ѡ и ѣ, а рядом с гласными ѡ и к.

Не можем мы согласиться и с описанием истории «кратких и и ѡ» в старославянском. В «Руководстве» по этому поводу говорится: «В дальнейшем краткое и удерживалось в начале слова...; после гласной оно сохранилось лишь графически (? — В. Ч.), обозначая на письме *jь*... а в конце слога, когда не происходило стяжения с последующим и... краткое и переходило в к, краткое ѡ в ѡ. Эти новые «еры» вели себя точно так же, как и обычные, и вокализовались или исчезали при тех же условиях» (стр. 54).

По поводу сказанного в этой цитате позволим себе заметить следующее. Во-первых, нет никаких оснований говорить о начальном и в слове *иже*, что оно «удерживалось», ведь оно обозначает сочетание *jь-*, обычное для славян в начале слова. Во-вторых, утверждение, что буква и после гласной обозначала *jь*, следовало бы подтвердить соответствующими данными; в § 19, на который ссылается автор, таких данных также не содержится. В-третьих, с утверждением о переходе кратких и и ѡ в конце слога в к и ѡ согласиться нельзя. Это стоит в противоречии не только с описанным выше пониманием написаний и и ѡ перед йотированными буквами и перед и, но и с тем, что говорится об этих гласных в той же книге. Описывая образование определенных форм прилагательных (§ 79), автор говорит: «Определенные формы *нѡгын*, *нѡкъ* и т. д. сначала еще легко разлагались на *нѡкъ-и*, *нѡкъ-а* и т. д.» Из этих слов следует, что гласный ѡ в форме *нѡгын* является не результатом «сокращения» ѡ в форме *нѡгын*, а наоборот, источником, из которого развился гласный ѡ в этой последней форме. Полагаем, что именно в этом направлении и протекала история интересующих нас гласных, а именно: к с последующим *jь* изменялся в и редуцированное, а ѡ при тех же условиях изменялся в ѡ редуцированное. Судьба этих редуцированных в позднем старославянском в известных отношениях была такой же, как и судьба редуцированных к и ѡ.

Мало убедительно изложен в «Фонетике» вопрос «о твердых, смягченных и палатализованных согласных». Не представляется достаточно оправданной прежде всего ссылка на русский язык: «Согласные в старославянском языке имели в целом двойное произношение — твердое и смягченное, в соответствии с природой последующей гласной, твердой или мягкой: т, = та и т.ѡ = т'е, как в современном русском языке» (стр. 73; разрядка моя. — В. Ч.). Дело в том, что в современном русском языке, как известно, существует один вид мягкости согласных, тогда как в старославянском языке их существовало два вида, о чем пишет на стр. 73 и сам автор. Если мягкость согласного в старославянском тѡ считать одинаковой с мягкостью согласного в русском тѡ (например, в тѡбе), то как понять тогда мягкость согласных, например, в старославянских словах *кѡѡ*, *кѡѡ*?

Ниже, на стр. 74, приводится таблица твердых, мягких и палатализованных согласных. В ней приводятся, например, такие группы: а—а'—â; ѡ—ѡ'—ô; и—и'—î; т—т'—шт'; л—л'—жл'; с—с'—ш'; з—з'—ж'; к—(к), ч', ц'—у' и др.

По мнению автора, «все эти три ряда согласных имеют значение одновременно как для звуковой системы старославянского языка, так и для его морфологической системы чередований» (стр. 74). Оставляя подробное рассмотрение этой таблицы в стороне, отметим, что в первых трех из этих групп представлены согласные,

действительно отличающиеся друг от друга в отношении твердости или мягкости. Однако в последующих группах согласные отличаются друг от друга уже не только в отношении указанного признака. В самом деле, разве шт', жд', ш', ж' отличаются от т', л', с', з' только тем, что они имеют большую степень мягкости? Конечно, нет. Они в одних случаях представляют собой согласные иного качества, а в других — группы согласных. Каким же образом они могут быть поняты как мягкие и палатализованные формы звуков: т, л, с и з?

Таблица, составленная А. Вайаном, не может служить и таблицей «морфологической системы чередований» согласных, так как в рядах чередующихся звуков оказываются одни и те же звуки. Для правильного понимания системного характера старославянского консонантизма вряд ли стоило вносить в таблицу, даже в скобках, согласные, встречающиеся только в заимствованных словах. То обстоятельство, что согласные эти употреблялись только в заимствованных словах, ясно указывает, что звуки эти хотя и встречались в славянской речи, однако они находились за пределами славянской фонетической системы. Таким образом, опыт построения трех рядов согласных по их твердости и мягкости, имеющих значение как одновременно для звуковой системы старославянского языка, так и для его морфологической системы чередований, представляется нам неудачным.

Одной из наиболее обстоятельных и интересных в книге Вайана является часть, посвященная глаголу. Основные в этой части — первые две главы (по общей нумерации — XIII и XIV). В первой из этих глав, как уже говорилось выше, даются общие сведения о глаголе, подробно говорится о личных, именных и сложных формах глагола, приводятся парадигмы. Во второй главе этой части представлена классификация глаголов; для устанавливаемых здесь глагольных типов также приводятся парадигмы.

Описанное расположение основных глав этой части вряд ли можно признать целесообразным и научно обоснованным, особенно для книги, предназначенной служить руководством. Прямым следствием принятого расположения явилось, во-первых, то, что автору приходится классифицировать глаголы фактически дважды: первый раз при рассмотрении личных форм глагола (см. стр. 247), второй раз — специально, в главе «Классификация глаголов». Во-вторых, это привело к повторению одного и того же материала: например, парадигма для глагола *мелити* находится и в первой главе этой части (см. стр. 247, 252, 255), и во второй (см. стр. 284). В-третьих, и это самое важное, изложение центральных вопросов глагольной системы — личные, именные и сложные формы глаголов — оказывается оторванным от классификации глаголов. Между тем именно классификация глаголов должна была явиться организационной и направляющей основой этого рассмотрения, тем более что, и по мнению самого автора, классификация глаголов «ставит своей задачей выделить наиболее значительные типы глаголов и расположить как можно удобнее особые типы» (стр. 283).

Для читателя остается не вполне ясным также применение принимаемых автором принципов классификации глаголов. На стр. 246—247 читаем: «Формы глагола образуются чаще всего от двух основ: основы настоящего времени и основы инфинитива, например: *зекътъ*, повел. накл. *зекъи* и *зъкъати*, аор. *зъкъа*; эти основы, однако, могут совпадать: *мелитъ*, *мелити*». На стр. 283 говорится, что «в старославянском языке существует пять классов глаголов: с настоящим временем на -и-, -ю-, -и-, -е- и с нетематическим настоящим временем». Спрашивается, к какому из этих классов относится глагол *зъкъати*? Основа настоящего времени, выделенная на основании сопоставления форм *зекътъ* и *зекъи*, не подходит ни к одному из классов, перечисляемых автором.

Небезупречна и структура самой классификации. Из приведенной выше цитаты следует, что классы глаголов в старославянском различаются по виду основы настоящего времени, а подклассы — по виду основы инфинитива. Однако при описании одного из наиболее продуктивных классов, с настоящим временем на -ю-, принцип описания глаголов по основе инфинитива применяется непоследовательно. В указанном классе глаголов автор различает следующие подклассы (см. стр. 290):

Основа инфинитива	Основа настоящего времени	Примеры
а) -ѣ-	-ѣе-	оумѣти, оумѣе-
б) -а(ш)-	-ае(ше)-	копати, копае-
в) -оа(ша)-	-оуе(ше)-	вѣровати, вѣроуе-
г) -а-	-е-	глаголати, глаголак-
д) -и-, ИЛИ -ѣ(ш)-	-ие-, ИЛИ -ѣе-	дѣяти, дѣе-
е) -и-, -ы-, -у-	-ие-, -ые-, -уе-	бити, бие-
ж) неправильные глаголы.		

Нетрудно заметить, что эта группировка подклассов основана не только на инфинитивах. Если бы при выделении подклассов автор исходил только из них, то подклассы б), в), г) образовали бы одну группу. Различия между названными подгруппами устанавливаются фактически по виду основы настоящего времени, причем во внимание принимается не тематический гласный, а звуковой комплекс: -ае-, -оуе- и т. д.

Имеются в книге и другие места, содержание которых остается для читателя неясным. Например, по мнению автора, чередования звуков в старославянском «имеют морфологическое значение» (стр. 93). С этим, в основном, нельзя не согласиться. Однако как понимать слова автора, что в случаях *вѣдѣкъ, вѣдѣци, вѣдѣкъ, вѣдѣкъ* «основа *вѣдѣкъ*—представлена при определенных условиях» и в то же время представляет собой «явление чисто морфологическое» (стр. 93)? Что называет здесь автор «определенными условиями»? Морфологический характер выше приведенных чередований автор доказывает указанием на то, что «фонетически к перед мягкими гласными *ѣ, и, ѡ* выступает в эпоху старославянского языка в виде мягкого *ѣ*, как это показывают заимствования» (стр. 93—94). Это доказательство не представляется убедительным. Произношение заимствований, конечно, может отражать правильно состояние старославянской фонетической системы, однако в заимствованиях могут сохраняться, по крайней мере до известной поры, и особенности фонетической системы языка, из которого это заимствование сделано. Наличие в старославянской фонетической системе мягкого *ѣ* не может быть доказано. При чтении главы IV «Чередования» (стр. 93—102) возникает также вопрос о том, почему чередования — «явление чисто морфологическое» — рассматриваются автором в разделе, посвященном фонетике.

Во второй части книги «Именные формы» числительным уделено меньше внимания, чем другим именам. В таблице количественных числительных счет доводится до 10 000. Следовало бы указать, что счет мог идти и дальше; ср. в Маринском кодексе: *съ дѣякъма десѣтъма тьсякъма*. Ср. также из памятника русской редакции: *Тьсякъ тьсякъ създѣхъ ѣмѣ* («Книга пророка Даниила») ³. Замечания о некоторых числительных очень лаконичны. Например, на стр. 194 говорится, что *ѡ*1/2 (половина.— В. Ч.) выражается существительным *вѣль...*, представляющим собой несклоняемую форму в *до вѣль ѡцѣрѣвѣтъкъ мѣгѣ*. Следовало бы привести примеры, в которых *вѣль* выступает и как склоняемая форма. Такие формы имеются и в книге, например на стр. 240: *вѣль дѣне* и *вѣль ношти*. Ср. также: *ѣъ вѣльѣ ѡванѣнѣ* («Шестоднев Иоанна Экзарха»); ⁴ *не вѣльѣмъ срьдѣца, нѣ вѣськъ мѣсанѣк* (Константин Болгарский. Поучения XII в.) ⁵. Следовало бы указать, что *вѣль* могло входить и в состав сложных слов. Ср.: *вѣльѣкъ, вѣльѣкъ, вѣльѣкъ* ⁶.

Несколько кратких замечаний к разным разделам книги.

Звук *ѣ* приводится в таблице согласных (см. стр. 71), между тем в тексте на стр. 35 говорится: «Краткое *ѣ* встречается... в начале слова и перед мягкой гласной, т. е. перед *ѣ*». Выходит, что мягкая гласная и «ѣт» — это одно и то же.

На стр. 37 говорится: «Установить произношение носовых гласных старославянского языка трудно... Надо полагать, что носовые гласные были дифтонгами с вторым носовым элементом...» Непонятно, что понимает здесь автор под дифтонгами и как это связать с тем, что в старославянском языке все слоги были «исконно открытые» (стр. 32).

На стр. 48 автор объясняет написание *ствѣрѣти* (без *ѣ*) как результат влияния «употребительного суффикса -ѣство». Непонятно, как суффикс мог повлиять на орфографию *ствѣрѣти*.

В образцах склонения определенных прилагательных формы отдельных падежей приводятся в таком порядке: *некагѣ, некаго, -агѣ*; или: *невоуѣуѣмѣу, воуѣуѣмѣу, -оуѣуѣмѣу* (стр. 145). Этот порядок не соответствует последовательности фонетических процессов, отражающихся в приводимых формах, а вместе с тем и истории самих форм.

На стр. 35 по ошибке говорится, что буква и называется и (союз), а буква *і*—иже. В заключение несколько слов об издании книги. В общем она издана хорошо. В начале помещено очень содержательное, но, к сожалению, очень краткое «Предисловие», написанное В. И. Сидоровым. Заканчивается книга «Словарем старославян-

³ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, СПб., Изд. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1903, стр. 1073.

⁴ «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», т. 6—«Словарь церковнославянского языка А. Х. Востокова», т. 2, СПб., изд. Второго Отд-ния Имп. Акад. наук, 1861, стр. 143.

⁵ И. И. Срезневский, Материалы ..., т. II, СПб., 1902, стр. 1142.

⁶ Там же, стр. 949—950 и стр. 953.

ских слов», составленным В. В. Бородич. В полезности словаря не приходится сомневаться. Однако книга нуждается не столько в словаре, сколько в подробном указателе слов, форм, морфем и т. д., встречающихся в ней. Необходимость в указателе диктуется характером книги («руководство!»)⁷. Переводы слов следовало дать в контексте. Это облегчило бы труд читателя. К сожалению, словарь, приложенный к переводу, составлен с некоторой поспешностью. Некоторые слова в нем переведены неправильно или неточно. Например, слово *ван* переводится как «тогда как» (вместо «если»), слово *власимиѣ* как «клятва» (вместо «хула»), *вѣдѣ* как «почти» (вместо «едва», «еле») и др.

Нельзя отнестись с одобрением к некоторым новшествам, принятым или встречающимся в издании. Например, почему слово *псалтырь* пишется с *и* (*псалтырь*, стр. 16, 17), при этом даже в названиях общеизвестных изданий С. Северьянова и В. Погорелова (стр. 21, 22, 25). Режет глаза буква *и* («ижи»), там, где ожидали бы букву *и* («ишь»). Напрасно звуки, восстанавливаемые для языка-основы, обозначаются русскими буквами. Например, вместо очень удобных и общепринятых знаков *ei*, *oi* пишется *ei*, *ou* (стр. 32); вместо *ij* пишется *ji* (стр. 34) и т. д. Для издания, называемого «Руководством», недопустимо одни и те же слова писать по-разному, если это не вызвано специальными обстоятельствами, между тем в контексте книги, например, пишется *мѣни* (162 стр.), *дѣлѣ* (239 стр.), *лѣтъ* (163 стр.), а в словаре: *мѣни* (423 стр.), *дѣлѣ* (418 стр.), *лѣтъ* (422 стр.). Опечатки другого рода, например, *гѣяти* вместо *гѣяти* (343 стр.) или *ѣша* вместо *ѣша* (98 стр.), — встречаются редко. На стр. 73 читаем: «глаголица для смягченного г имеет еще специальную букву *ћ*». Это опечатка?

К недосмотрам издания приходится отнести отсутствие объяснений к таким, например, местам текста: «Эта рукопись (речь идет о Синайской псалтыри) испорчена (?— В. Ч.) и содержит ряд ошибок (?— В. Ч.)», стр. 21. Или: «Поучения на пасхальной неделе (испорченные) (?— В. Ч.)», стр. 21. В объяснениях нуждаются и некоторые термины, употребляемые А. Вайаном и не принятые в нашей лингвистической литературе, например термин «западный» в контексте: «Клюцов сборник (глаголический) с западными чертами...» (стр. 21).

Книга напечатана хорошими — русским и кирилловским — шрифтами. И внешнее оформление книги удовлетворило бы читателя, если бы при переплете не были так сильно срезаны поля книги, особенно — боковые.

В. Чичагов

⁷ Нельзя не отметить, что, к сожалению, указатели не составляются и к изданиям типа «руководств» нашего отечественного происхождения. Например, не так давно издательством Московского университета были изданы два очень важных учебных пособия: одно — по современному русскому языку, другое — по исторической грамматике русского языка, и ни одно из них не имеет указателя. Несколько страниц бумаги, сэкономленных таким образом, обойдутся студентам в тысячи часов напрасно загубленного времени.